

18+

Сергей Жоголь

УБЫРЛЫ КЕШЕ

Сергей Жоголь

Убырлы кеше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558711

ISBN 9785449838155

Аннотация

Устраивать смотрины красавиц, чтобы найти невесту для государя, принято ещё со времён византийских императоров. Настасья – дочь князя Тихона – тоже приглашена на невестины смотрины ко двору. Пусть шанс стать царицей и невелик, но князь Тихон верит в успех и велит собираться в дорогу. Однако идти замуж за злобного старца Настасья не желает! Изменить решение ей помогают слова, сказанные убогим Мишаней. Все в округе знают, что юродивый никогда не ошибается.

Содержание

Юродивый	5
Слуги государевы	26
Вьюга	39
Чернявый	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Убырлы кеше

Сергей Жоголь

Ольга Чернова *Редактор*

Ольга Чернова *Корректор*

© Сергей Жоголь, 2020

ISBN 978-5-4498-3815-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юродивый

Сумерки сгущались медленно, за окошком крупными хлопьями валил мокрый ноябрьский снег. Настасья кусала губы, нервно царапала ладони и с тоской смотрела в окно. С улицы доносились хриплые мужские голоса и звонкий бабий смех. Ни сырость, ни сгущавшаяся темнота, похоже, несколько не тревожили веселившихся под окошком людей. Праздновали свадьбу княжьего конюха Прошки и сенной девки Маланьи. Гуляли скромно, как и подобает княжьей дворне, но довольно шумно – прислуга в доме князя не отличалась излишней кротостью и смирением: дудели рожки, звенели бубенцы, кружились в хороводе людишки. Кто-то

жевал ароматный калач, кто-то попивал медовуху из большой глиняной кружки; молодых то и дело обсыпали пшеном.

Орали все... Причём орали так, что у Настасьи от возмущения чесались ладони.

Обычно она поощряла подобные гулянья. Порой, даже несмотря на неодобрение отца, во время общего веселья она и сама была не прочь поплясать и попеть с дворней, но только не сегодня. Сегодня её раздражало всё, и причина тому была. От одной только мысли о том, что кому-то вдруг вздумалось жениться, Настасье становилось не по себе. Она дулась на отца, проклиная его за чрезмерную гордыню; ругала про себя отцову ключницу Лукерью за её нелепые утешения и непрерывное оханье; злилась на свою вездесущую и не особо расторопную прислужницу Глашку за её едкие намёки и глупые смешки. Сейчас Настасье просто хотелось выйти во двор и разогнать так не вовремя разгулявшуюся челядь, но она сдерживала себя как могла, стараясь не подавать виду, что ей по-настоящему страшно.

То, что конюх Прошка – губастый патлатый парень двадцати годов от роду – давно бегаёт за Маланькой, на княжьем дворе знали все. Ну бегаёт – и что с того? Потому-то, когда Прошка пришёл к князю с прошением отдать за него девку, тот долго не думал – разрешил. А чего, пускай его людишки в счастья живут! Им-то, холопам, можно, а вот ей... Не может княжья дочь замуж по любви идти. Её, как племенную кобылу, на смотрины свезут, в общее стадо поставят и ре-

шать будут, хороша иль нехороша. Не приглянется жениху – и ладно, а коль приглянется, так тут же под венец, даже её согласия не спросят.

Сгушавшаяся темень нагнетала уныние и тоску, ложась на сердце тяжёлым камнем. Вот бы сейчас, мечтала Настасья, выбраться из этой душной комнатки, выбежать на крыльцо, спуститься с него и бежать, бежать, раскинув в стороны руки; бежать куда глядят глаза и ловить приоткрытым ртом пьянящий морозный воздух; наслаждаться тишиной и гордым величием подбирающейся, словно хищный зверь, зимы. Но это были мечты, а реальность давила, сжимала виски и нагнетала дурные мысли. Тётка Лукерья, Глашка и сам князь – все, конечно же, считали, что ей крупно повезло и теперь её жизнь изменится к лучшему, но сама Настасья была уверена: это не так.

Накануне вечером заявили к ним на двор верховые – двое, оружные, разодетые, хотя и в запылённых одежах. Оказались гонцами царёвыми, да с грамоткой. А в той грамотке сказано, что велено княжне Настасье Горчаковой явиться ко дню Великомученицы Варвары в столицу ко двору на невестины смотрины. Что сие повеление царское означает, в доме князя знали все.

Князь Тихон, услышав новость такую, аж прослезился:

– Вот радость-то! А что, если и впрямь...

– Никуда не поеду! – тут же насупилась Настасья.

Князь покачал головой:

– Раз уж зовут тебя, доченька, – будь уж добра, не упрямясь! Поезжай, голубушка, а мы помолимся, чтобы царь Иван на тебя глаз положил да в жёны взял.

– Слыхала я про те смотрины! Свезут девок со всей Руси – так они друг на дружку змеями шипят, глазищами зыркают, а царя увидят – так тут же глазки в пол, смиренность и покорность кажут, аки херувимы! Всякая норовит царю приглянуться да на трон влезть. А я по любви замуж хочу. А царь что?.. Он же злой как чёрт, да к тому же старик! Лукерья вон сказывала, что наш государь уж шестую жену себе ищет. Прежние пять недолго при троне красовались да во здравии прибывали. Двух жён тех бояре ядом потравили, двух других царь велел в монахини постричь, а одну аж в реке утопил.

Однако князь Тихон лишь махнул рукой:

– Те жёны царёвы, видать, небольшого ума были – не сумели государя ублажить-умаслить, – а ты у нас вон какая смышлёная! Ежели не станешь на рожон переть, так ведь из тебя такая царица может выйти! С царём породниться – не просто честь, а честь великая! Эх, заживём!

Настасья, недолго думая, упала на колени, обхватив отцовы ноги, и заголосила:

– Пожалей, батюшка! Не губи, родимый!

Но это не помогло – отец упрямо стоял на своём:

– Поедешь, и не смей мне боле перечить!

Настасья тут же вскочила и выкрикнула:

– Сказала «не поеду» – стало быть, не поеду, а принево-

лишь – из дому сбегу!

Князь Тихон от дерзости такой аж засопел, раскраснелся как варёный рак и не сразу нашёл, что ответить. Настасья же, не дожидаясь ответа, выбежала в сени.

– Я тебе сбегу! Я тебе так сбегу, что мало не покажется! – наконец-то прокричал ей вслед князь Тихон.

После того разговора отец велел Настасью из дома не выпускать, а двум своим холопам приказал постоянно следить за ней, чтоб и впрямь не сбежала. Настасья же заперлась в своей спальне и лежала уткнувшись в подушку, но не редела – кусала губы и злилась. Когда тётка Лукерья – отцова ключница, крепкая как жёлудь баба с круглым скуластым лицом и пухлыми губами – постучала в дверь, Настасья поднялась, отперла дверь и снова завалилась в постель.

– Настасьюшка Тихоновна, да что ж это ты, голубушка, так убиваешься? – успокаивала Лукерья. – Батюшка о тебе заботится, а ты ему перечить удумала!

– Сказала «никуда не поеду» – стало быть, не поеду. Не надобно мне вашей заботы! – буркнула Настасья, усевшись на край кровати.

– Как это не надобно? – Лукерья сложила на груди руки и устремила взор в потолок. – Сама посуди: батюшка твой – князь, а живём мы под ним, точно сироты. Забрались в эту глухомань, позабыты всеми, позаброшены, а ведь когда-то ваш род подле Великих князей сживал. А что теперь?

– Что?

– А то! – Лукерья тут же сменила тон и упёрлась руками в тучные бока. – Живём на княжьем дворе беднее бедного, порой даже вон с хлеба на воду перебиваемся!

– Когда это такое было-то?

– Ну пусть не было – так завсегда статься может. Вон в этом году как раненько заморозки ударили – оттого неурожай случился. Стало быть, зимушка нынче дюже голодная будет.

– И раньше такое бывало, да вот только все пока ещё живы-живёхоньки.

Лукерья поджала губы, задумалась и перевела разговор на другое.

– Глянь на себя-то: княжья дочь, – сказала она на этот раз с укором, – а ходишь в поношенном! Разве такие наряды княжьей дочери положено носить?

Настасья насупилась:

– В чём привыкла ходить, в том и хожу. Для кого рядиться-то?

– Как для кого? Тебе жениха достойного искать надобно – кто тебя такую замуж возьмёт?

– А тот и возьмёт, кто по-настоящему полюбит!

– «Полюбит»! Слыхали вы её? Вон на Дуньку нашу глянь. У неё, помнится, тоже любовь была. Была, да вся вышла – теперь вон одна с дитём мыкается. А ведь за неё тогда купец Курицын сватался.

– Курицын твой старый и толстый, а ещё жадный без ме-

ры! – проворчала Настасья. – Чем за такого идти, лучше уж в бега податься.

– Ну вот и добегалась дура – теперь локти кусает.

Дуняша – одна из сенных девок князя Тихона, справная, рослая, с милым округлым лицом и пухлыми губами – год назад приглянулась богатому соседу князя Тихона Ивану Курицыну. Тот, не посмотрев, что девка сирота, даже сватов прислал. Дуняша, прознав про то, спуталась с каким-то заезжим скоморохом и, не дожидаясь свадьбы, сбежала. Спустя полгода вернулась уже брюхатая, говорила, что полюбовник её в бане угорел до смерти. Теперь Дуняша одна растила крепенького мальчишку и часто говаривала, что о содеянном не жалеет. Правда, Настасья пару раз слышала по ночам, как Дуняша плачет у себя в закутке. О чём она плакала – убивалась ли о смерти любимого или жалела, что за купца не пошла, – того Настасья не знала, а спросить стеснялась. Курицын с той поры на Дуняшку больше и смотреть не хотел, хотя на княжий двор частенько захаживал.

– Жили мы и раньше небогато, проживём и теперь, – отогнав сомнения, сказала Настасья. – Получается, для того, чтобы мы все тут медовые пряники ели да в бархате ходили, мне одной страдать? Не хочу ради такого за старого хрыча замуж идти!

– Не за хрыча, а за царя! То царь, понимаешь? Будешь за ним как за стеной, будут у тебя и наряды, и кушанья сладкие, власть будет, а коли так, глядишь – и мы все, холопы

ваши верные, заживём по-другому. Ужель совсем не хочешь царицей быть?

– Не хочу! Не хочу и не буду! – упрямо твердила Настасья. – Замуж лишь по любви пойду, вот и весь сказ, а силком поведут – так сбегу!.. Не сейчас, так по дороге!

– И куда ж ты, матушка, сбежишь? – скривила лицо Лукерья.

– А я в деревеньке какой-нибудь поселюсь, работницей наймусь. Я и корову доить могу, и кудель плести – никакой работы не боюсь...

– Вот и плохо это. – Лукерья подсела к Настасье и обняла её за плечи. – Ты же дочь княжья, а не девка сенная! Батюшка твой хоть и беден, но при нём живётся тебе спокойно. Сейчас столько людишек лихих шастает, что не сосчитать!

Настасья насупилась.

– Не боюсь я никого! Сумею уж как-нибудь за себя постоять. Сказала «сбегу» – значит, сбегу.

Лукерья охнула:

– Ой, мамоньки! Только не думай, что тебя отец без пригляду отпустит, – сама с тобой поеду, глаз с тебя не спущу!

Настасья рассмеялась:

– Так и знала, что это батюшка тебя науськал, только напрасно всё это. Всё равно будет по-моему – иль не помнишь, сколько раз я от тебя сбегала, ещё девчонкой малой? Тогда сбегала, и теперь сбегу.

– А вот и не выйдет у тебя ничего! – Лукерья раскрасне-

лась от злости. – Князь сказал, что окромя меня Егорку с Лукьяном с тобой в дорогу отрядит.

Настасья рассмеялась ещё громче:

– Тоже мне охрана – два увальня сонных!

– А ещё, – с ехидцей добавила Лукерья, – от царя конвой приедет для твоего сопровождения. Вот так-то! Подумать только, сколько ж тебе чести выпало!

Настасья тут же смолкла и нахмурила лобик.

– Ну, коль сбежать не получится, так когда приеду на смотрины те, тут же лицо себе расцарапаю да рожу скривлю.

Лукерья отшатнулась и всплеснула руками:

– Совсем из ума выжила... Дурища ты дикая! Дурища и есть! Всё батюшке твоему расскажу!

Настасья процедила:

– Сама ты дурища! Уходи! Не желаю боле тебя слушать!

Когда Лукерья ушла, молодая княжна недолго оставалась одна. Вскоре в Настасьину спальню заявила её прислужница Глашка – невысокая круглолицая девка с мелкими конопушками по всему лицу и толстой рыжей косой. Эта вошла без стука, уселась на лавку и тут же затараторила, точно сорока:

– Что-то никак не пойму я тебя, княжна. Любой другой такое выпади – так она б от счастья лопнула! Лукерья говорит, что ты куда-то бежать собралась, и это от такого-то! Тебе не о побеге, а о том, как царя приворожить, думать надоб-

но. Ты у нас, Настасьюшка, конечно, девица справная, но, знаешь ли, на царёвы смотрины столькох девок свезут, что тебя царь может и не заметить. Тебе нынче о нарядах добрых думать надобно – попросила бы у батюшки денежек, да мы б с тобой до купцов наведались, выбрали бы чего получше. Я в этом деле толк знаю – выряжу тебя так, что от одного взгляда на тебя у любого жениха враз припадок случится! Причешу, прихорошу так, что ни царь, ни кто другой взгляд отвести не сможет! Попроси у отца денежек – у него есть запасец, я уж то ведаю!

Настасья поморщилась:

– Я не ведаю, а она ведаёт!

Глашка воровато посмотрела на дверь и прошептала:

– Запасец тот у Лукерьи хранится в сундуке под замком.

Мне о том она сама как-то сказала. Батюшка твой золотишко это тебе на приданое откладывал, а теперь, думаю, лучше те денежки на наряды потратить. Коли понравиться ты в тех нарядах царю да станешь его женой, так тебе отцово приданое и не нужно будет. И без того в золоте да в шелках ходить будешь! Только ты батюшке своему скажи, чтобы он с тобой меня в Москву отправил, – я уж прослежу, чтобы тебе в грязь лицом не пасть! За нарядом присмотрю да за украшениями, что купим.

Настасья поморщилась. Что-то много уж больно желающих с ней в столицу наведаться... А ну их всех! Она отвернулась и вздохнула:

– Надоели вы мне все, аж мочи моей нет! Да как же не поймёте вы, что царь наш – ирод злобный! Всех прежних жён своих терзал, а одну даже в проруби утопил. Слышала, поди?

Глашка тут же оживилась:

– Слыхала, как не слышать! – Девка хихикнула. – Тогда также девиц на смотрины свезли. Только царь, говорят, как эту девицу увидал, так сразу разум потерял. «Эту хочу, – говорит, – других гоните прочь». А как свадебку сыграли, сам едва ли не силком ту красавицу в спальню поволок, а наутро вывезли царёвы слуги тут красавицу да прямо с санями и лошадьми под лёд. А знаешь, отчего такое случилось?

– Отчего? – напряглась Настасья.

– Оттого, что не девица новая царица была, – вот отчего.

Глашка поднялась, подошла к Настасье и шепнула на ухо:

– Но тебе ведь то не грозит? Ты ж у нас ещё не порченная, а?.. Ежели нет, то я тебя могу научить, как беду эту исправить. Тут главное – не робеть, опоить муженька да потом крови на простынку плеснуть...

– Да иди ты! – Настасья оттолкнула девку рукой.

– Как знаешь. Не хочешь знающих людей слушать – не слушай. Раз уж так боишься ехать, так в церкву сходи. Помолись богу, или у Мишани-дурачка погадай. Он у нас многое наперёд видит – может, и успокоит тебя. Возможность-то у тебя царицей стать и впрямь невелика, а вот кремль белокаменный увидеть – когда это у нас с тобой ещё получится? Может, не с царём, так с кем другим у тебя свяжет-

ся. Глядишь, свезёт тебе – так и впрямь любовь свою встретишь. У нас-то тут чего? Одни пентюхи неотёсанные, способные только бражку лакать да свиньям хвосты крутить, а вот Москва – это о-го-го...

Настасья наконец-то выпроводила девку из спальни, поломала голову и решила-таки, что кое-какой резон в Глашкиных словах всё же есть.

На следующий день Настасья дождалась, когда Лукьян, как это частенько бывало, после сытного обеда уснёт в чуланчике, натёрла себе нос и щёки полотенцем до красноты, позвала к себе Лукерью и пожаловалась:

– Знобит что-то. На улицу папенька выходить не велит; в комнате душно – вот, видимо, и продуло меня через открытое окошко.

Лукерья тут же насторожилась:

– Точно захворала иль надумала чего?

– Вот ещё! – наигранно надув губы, пробурчала Настасья. – Плохо мне, не видишь? Того и гляди слягу и не поеду никуда.

Ключница заохала, засуетилась:

– Не сляжешь, матушка, не дадим тебе хворать! Сейчас я тебе медку из подвала достану, взвар травяной приготовлю – выпьешь, тут же на печку лезь и лежи. Хворь твою враз снимет.

– Не смогу я твой взвар пить, – притворно закашляв-

шись, простонала Настасья. – Мутит меня что-то. Вели лучше Егорке баньку истопить. А пока дай мне одёжку какую потеплей. Трясёт меня, не видишь?

Настасья нарочно съёжилась, зубки её застучали. Лукерья нахмурилась.

– А князь Тихон не велел тебе верхнюю одёжку давать, чтобы ты чего такого не удумала...

– Так я ж тебя не шубу лисью прошу. Дай-ка мне тулуп овчинный – в нём-то, поди, теплее будет? Да платок свой дай! – прикрикнула Настасья. – Мне ж то не для красы, а для дела!

Лукерья тут же закивала, дала Настасье тулупчик и плат да побежала искать Егора. Тот в это время разгребал во дворе выпавший накануне снег. Выслушав женщину, угрюмый, но безотказный мужик нехотя отправился за дровами, а Лукерья полезла на чердак за вениками. Видя, что во дворе никого нет. Настасья, спешно одевшись, выскочила в окошко и через открытые ворота выбежала со двора.

Морозец щипал нос и щёки, но под овчинным тулупом и толстым пуховым платком Настасья даже немного вспотела. Она шагала быстро, всё время озиралась: нет ли погони. Как-то раз оглянувшись, Настасья налетела на какую-то бабу, и та, зацепившись коромыслом, едва не окатила беглянку водой. Баба тут же разоралась, игравшие поодаль мальчишки стали громко свистеть и улюлюкать, видя, как Настасья, подняв воротник, спешит убраться восвояси. Один из них даже кинул ей вслед снежком, но не попал. В Плотницком

ряду, опять оборотившись назад, едва не угодила под ехавшие на базар сани.

– Куды прёшь, гусыня? – рывкнул возница – скукоженный мужичонка в распахнутом на груди тулупе.

– Сам варежку не разевай, тюха кудлатый! Гляди, куда прёшь? – крикнула Настасья и чуть не прыснула со смеху. Сквернословию она научилась у Глашки – та была в этом деле мастерица. Настасья поспешно нырнула в проулок.

– Гляньте-ка! Дороги ей мало! Сама лягуха, а корчит из себя царевну! – продолжал голосить возница вслед торопливо удалявшейся Настасье.

«Знал бы, дурень, на кого рот раззявил! Ты только посмотри – лягухой назвал!» И вовсе не корчит она из себя царевну... Настасья вздрогнула, вспомнила, отчего тут в таком виде оказалась. «А что как и впрямь царицей стану? Тьфу-тьфу, типун тебе, дядечка!..»

Миновав очередную узкую улочку, она вышла к городскому базару. Тут было суетно, но Настасья немного успокоилась, очутившись в толпе. Теперь-то её отыскать будет ещё труднее. Побродив по торговым рядам, полюбовавшись на привезённые шелка и пуховые платки, Настасья прикупила две связки баранок и большой леденец на палочке. Потом она вышла на узкую улочку, миновав её, оказалась возле городской церквушки. Здесь, на паперти, Настасья и надеялась отыскать того, кто сейчас ей (так, по крайней мере, казалось) был нужен более всего.

На затоптанных прихожанами ступеньках рядком сидели четверо: две нечёсанные нищенки с горящими алчным огнём глазёнками, колченогий старик с обмотанной суконном платком головой и неопределённого возраста мужичок в драной сермяге. Нищенки и старикашка тянули руки к редким в этот будничный день прихожанам, порой даже хватали их за одежды, постоянно причитали, нараспев повествуя о своей горькой судьбинушке. Они без усталости славил Господа и крестились, вымаливая подавание.

Мужичок в сермяге сидел покачиваясь чуть поодаль на расстеленной на земле рогожке. Он никого не окликал, не хватал за одежды, а лишь задирает косматую голову к небу, повизгивал по-щенячьи и постоянно тёр ладошками свою драную одёжку, будто бы стряхивая с неё налипшие хлебные крошки. Лицо этого страдальца отличалось страшной худобой; под глазами расплылись чёрные круги, а острый нос и взъерошенные волосы пепельного цвета делали бедолагу похожим на ощипанного воробья. Настасья встала напротив; мужичок продолжал качаться из стороны в сторону и то и дело обращать взоры к небу.

– Доброго здоровьица, Мишанюшка! – Настасья склонилась в поклоне. – Я тебе баранок принесла.

Мужичок протянул дрожащую руку, схватил связку с баранками, разломил одну и запихал её в рот целиком. Остальные трое нищих тут же стали тянуть к Настасье руки:

– Помоги ж и нам, дёвица!

– Не скупись, красавица!

– Пожалей убогих!

Настасья достала из своей авоськи вторую связку и, развязав верёвочку, дала по паре баранок старику и нищенкам.

– Что ж ему-то целую связку, а нам так мало дала? – недовольно фыркнула одна из женщин.

– А денежку дашь? – слащаво процедил старик.

Настасья сунула руку в кошель, поняв, что все деньги потратила на базаре, лишь виновато пожала плечами. Она снова подошла к Мишане.

– За помощью я к тебе, святой мученик. Подскажи, поведай, как быть! Горе у меня: силком под венец ведут. Научи, Мишанюшка, как поступить: смириться иль нет? Ты же святой, ты всё видишь. Скажи, стану ли я невестой...

Настасья на полуслове умолкла, потому что Мишаня пристально на неё глянул, сморщился, как грибок-сморчок, потом вдруг как-то странно дёрнулся. Связка баранок, которую он держал в руках, выпала, бедолага задрожал и повалился набок. Его затрясло, изо рта потекли слюни.

– Сейчас опять вещать начнёт, – с усмешкой прошептала одна из нищенок.

Вторая тут же подскочила и схватила упавшие на снег баранки.

– А ну оставь! – прикрикнула на женщину Настасья.

– Вот ещё! – огрызнулась та. – Раз бросил – стало быть, не надобно ему.

Настасья хотела было прикрикнуть на попрошайку, но тут Мишаня захрипел:

– Вижу, вижу дорогу заснеженную. Холодно мне!

Бедолага весь затрясся, словно его и впрямь окунули в ледяную воду. Настасья тут же забыла про украденные у Мишани баранки.

– Что видишь, отче? Сказывай же, а то уж никакой мочи нет!

– Вижу, как мрак с небес спустился. Потемнело всё кругом, – продолжал вещать убогий. – Темнота спустилась, не видно ни зги!

Мишаня на некоторое время умолк, снова весь съёжился.

– А ты присмотрись, присмотрись, родимый, – глядишь, и увидишь чего.

Мишаня нахохлился, как воробей, надул щёки, засопел. Забавно так засопел, но Настасье сейчас было не до смеха.

– Ворона вижу о чёрное перо, взгляд у него недобрый, но вроде как и не злой. Станный у того ворона взгляд!

– А царя? Царя видишь?

– Дом вижу большой и ветхий. Люди выйдут из мрака и в том доме постой себе найдут.

– Какие люди найдут? – тут же переспросила Настасья.

– Разные то люди. Придут они туда, и станет тот дом для одних тюрьмой, а для других склепом могильным. Снова мрак настанет, и явится демон в облике красном, и кровь прольётся бурной рекой.

– Демон? Что ещё за демон?

– Страшен тот демон, вижу, как злоба в нём закипает. Обратится он в зверя, много беды от него случится. Не будет пощады никому.

– Ничего не понимаю, говори яснее! – Настасья топнула ножкой.

Мишаня захныкал, его глаза закатились.

– Глянь же! Неужто сама не видишь? – Он тыкал пальцем в разные стороны, точно что-то ужасное окружало его со всех сторон. – Вон же он! Злоба лютая в нём закипает. Обратился он в зверя. Много беды от него случится. Не будет пощады никому. – Мишаня захныкал, его глаза закатились. – Ой! Что же это? Что ж такое деется? Дерёт демон тела людские острыми когтями, точно лютей зверь. А крови-то, крови кругом! К-к-кровь! У-у-у! – Неказистый вещатель завыл так, что даже его убогие соседи отшатнулись.

– Вот бесова душонка, весь народ нам распугает! – ворчливо произнёс старик.

Мишаня скрючился калачом, внезапно перестал трястись и поднялся. Он снова сел на свою рогожку, обратил взор к небу и стал стряхивать с себя теперь уже настоящие крошки от баранок. Настасья в отчаянии прокричала:

– И это всё? Не то я спросить у тебя хотела! Ты мне про главное, про царя поведай! Скажи: быть мне женой царёвой или нет?

– Кровь... кровь... – снова заверещал юродивый. – Кровь

царёва первой прольётся, оттого все беды сдуются!

Видя, что Мишаня замолчал, Настасья поспешно достала из авоськи леденец и сунула его в руку убогому. Мишаня тут же принялся его лизать. Он при этом урчал, как дикий зверёк, на что колченогий старик неодобрительно фыркнул.

– Зря ты ему сладкое дала.

– Чего ж так-то? – спросила Настасья.

– Теперь больше ничего не скажет, пока весь не излижет.

Но ты евоному пророчеству верь. Мишаня наш, хоть и с виду дурень, никогда не ошибается. Вон давеча бабе одной кудлатой вещал – говорил, что петух красный всех еёных кур покроет. Так у её опосля того хлев сгорел.

– Ладно, подожду, когда съест леденец, и ещё поспрашиваю.

Старик вдруг приосанился и хмыкнул в кулак:

– Глянь-ка, девица, на тех двоих – уж не по твою ли душу?

Настасья обернулась. Прямо за её спиной стояли Егор и Лукьян. Оба без шапок, от голов пар валит, хмурые и раскрасневшиеся. Настасья невольно отступила.

– Зачем же ты с нами так? – затараторил Лукьян. – Хворой прикинулась, а сама со двора! Батюшка твой, Настасья Тихоновна, на нас с Егоркой за то дюже гневится, совсем осерчал, грозился розгами высечь.

– Сам же знаешь: батюшка гневлив, но отходчив, – усмехнулась Настасья.

– Отходчив он иль нет, мы про то вскоре прознаем, –

поддержал сотоварища Егор, – а теперича пошли, матушка, не заставляй нас грех на душу брать – не хотелось бы тебя силком до дому тащить.

– Силком? Меня? – вспыхнула Настасья.

– Так князь велел.

Настасья обернулась и посмотрела на Мишаню. Тот снова стал прежним – убогим и безучастным. Страх его, видимо, прошёл – он снова пялился в небо и неспешно сосал свой леденец.

– Грызть не станет, – заявил старик-нищий. – Лизать будет не меньше часа, уж поверь, матушка.

– Так что, для нас леденцов не будет? – спросила одна из нищенок.

Настасья обернулась, прикрикнула:

– Не будет! – Она повернулась к отцовым посланцам и добавила: – Ладно уж, пошли.

И все трое двинулись от церкви в сторону княжьего дома.

Когда Настасья со своим сопровождением исчезла из виду, старик-нищий с усмешкой подмигнул своим соседкам и сказал:

– Не дал ей наш глупенький точного ответу – так что будет у девицы повод ещё раз прийти.

Одна из нищенок хмыкнула:

– А нам что с того?

– А то, как его умасливать будет и нам что-нибудь перепадёт. Эх, бабы-дуры, всякой глупости верят, но от их глуп-

пости наши животы и полны!

Старик воровато огляделся, на корточках подполз к Мишане и вырвал у юродивого остаток леденца. Тот сделал глупое лицо и захныкал.

Слуги государевы

Натянув одеяло до подбородка, Настасья долго ворочалась в постели. Мурашки бегали по спине невидимыми муравьями, и лишь под утро она забылась в полудрёме. Ей тут же приснился кошмар. Тощий старик трогал её костлявыми руками и приговаривал: «Ай да дэвица, хороша да сладка. Пойдём-ка, голубушка, да в спаленку». Потом старик превратился в ворона, а она сама – в нечто страшное и непонятное... Настасья проснулась и какое-то время лежала с открытыми глазами. Непонятное предсказание Мишани ничего не прояснило, не успокоило. Зато от чудных слов убогого уж больно интересно стало. Что за дом такой её ожидает,

коль она в путь отправится? Что за демон встанет на её пути, а ещё ворон какой-то? С первыми же петухами Настасья вскочила с постели и выбежала в сени.

Здесь пахло опарой, кислой капустой и рыбными пирогами. Зачерпнув воды из ведёрка, Настасья прильнула к ковшику пересохшими губами. В сенях было темно и прохладно, но на лбу девушки всё ещё блестели холодные капельки. Настасья утёрлась рукой, даже не вспомнив провисевшее на стене полотенце, и сделала ещё пару глотков. «На мне свет клином не сошёлся – глядишь, отведёт от меня Боженька сию напасть, и всё снова будет, как прежде. Нужно просто успокоиться», – внушала Настасья себе самой, однако унять не покидавшую её дрожь всё равно не удавалось.

Параська – тощая рыжая кошка, – увидев молодую хозяйку, тут же принялась тереться о её ноги, но Настасье было не до кошачьих ласк. Она слегка пнула Параську ногой и только сейчас заметила в глубине длинных сеней Глашку. Та стояла у приоткрытой входной двери и что-то разглядывала через образовавшуюся щель.

Увидав молодую хозяйку, Глашка тут же захлопнула дверь, склонилась в полупоклоне и тоненьким голоском проворковала, точно пропела:

– Добренького утречка, Настасья Тихоновна! Чего изволишь? Умыться ли, может, молочка? Дуняша уж корову подоила.

– Чего? Корову? В такую-то рань? – удивилась Наста-

сья. – Нет! Молока не надобно, а вот умыться... Да-да, принеси водицы... тёпленькой, и рушник. Пока эти, московские, не приехали.

Глашка поднесла ладошку ко рту и прыснула в кулачок:

– Помилуй, Настасья Тихоновна, как же не приехали? Ещё как приехали!

Настасья вздрогнула:

– Когда ж?

Глашка сделала шажок, склонилась и прошептала тихо-нечко:

– Ещё давеча заявили, все конные. Старшой ихний, царёв боярин, так тот точно гусак – важный, аж жуть: смотрит хмуро, правда, борода недолга – не до пупа, как у наших бояр, и не космата, а коротко стрижена. Он сразу же к батюшке вашему ввалился, да без доклада. А с ним ещё четверо: двое в возрасте мужички, третий помоложе, а четвёртый... – Девка выпрямилась и пригладила растрёпанные волосы. – Хоть и ростом велик, но совсем безусый ещё.

– Какие ж они тебе мужички? – возмутилась Настасья. – Не мужички, а мужи – слуги государевы!

Глашка повела бровью, махнула рукой:

– Да полно тебе, княгинюшка! Мужички – не мужички... ведь не бабы же! – И девка снова затараторила сорокой: – Я их из светёлки давеча разглядела. Кафтаны у всех с отворотами да с золочёными пуговками, все рослые, как наш Тришка-бондарь, мордатые да холёные. Держатся важно, но пе-

ред боярином своим тянутся. Да-да... Грозный, видать, боярин. Один из тех, что постарше, – седой как лунь и кривой на один глаз. Второй – чернявый, глазищи раскосые, ни дать ни взять татарин. Третий – тот, что помоложе, – сутулый малость, рожа здоровенная и круглая, как капустный кочан, а вот молоденький... – Глашка снова прыснула в кулак, – уж дюже пригожий, румяный да бровастый; у нас туточки таких красавцев днём с огнём не сыщешь!

Настасья укоризненно покачала головой и тут же спросила:

– Старшой к батюшке, а где ж остальные?

– Остальные?.. – Глашка прильнула к двери и снова поглядела в щель. – Вон! Вон!.. Из терема выходят. Так... к колодцу подошли, стоят. Ух ты, чур меня, зыркают-то как по сторонам, точно псы цепные, точно вот-вот набросятся.

– На кого набросятся?

Глашка сдвинула брови, наморщила лоб:

– Ну как это на кого?.. Ну на кого-нибудь... Так чего ж ты меня, Настасья Тихоновна, всё пытаешь? Сама вот подойди и глянь.

– Вот ещё! – Настасья нахмурилась.

Глашка шмыгнула носом, утёрла его ладошкой и снова затараторила:

– Тётка Лукерья, с тех пор как гостюшки заявили, у печи хлопочет, ушицу варит. Манька с Дунькой скатёрку уж на стол постелили, ложки да миски таскают, а Тимошка

в подпол за бражкой полез. Батюшка ваш велел встретить как полагается – вот все и суетятся.

– А ты тогда чего? Тебе заняться нечем? – Настасья махнула рукой. – Ступай-ступай, не мозоль глаза! Не по твою душу московские гости пожаловали.

Глашка фыркнула, поджала губки и прошипела:

– Так воду тёплую нести?

– Воду? Какую воду? Ах, воду... – Настасья махнула рукой. – Не надо воду.

Глашка хмыкнула и величаво удалилась на женскую половину. Настасья же накинула телогрейку да платок, сунула на ноги в сафьяновые чеботки и спешно вышла на крыльцо.

Утренний лучик заставил зажмуриться. Настасья прикрыла ладошкой лицо, зажала пальцами нос, чтобы не чихнуть. Под крыльцом ярким игристым ковром поигрывал декабрьский снежок. Небо было чистое, дым от печи приятно щекотал ноздри. От состоявшегося накануне шумного гулянья не осталось и следа. У колодца стояли московские. Настасья задержала дыхание, поняв, что сердце забилось чаще.

Все царёвы людишки с ружьями да с саблями. Одинаковые с виду: на каждом стёганный тягиляй, подшитый металлическими бляшками; все в высоких шапках да длинных сапогах с задранными носами. Тут же поодаль топчутся ещё взмыленные лошади. Все лошадки жесткошёрстные и низкорослые, зато широкогрудые и с сильными ногами.

Уж не опричные ли? Да нет. Пёсжих голов да мётел на ло-

шадях вроде не видать, только у одного коня к седлу лук да колчан со стрелами приторочены. Хоть и отменил уж давно царь опричнину, но страх перед чёрными всадниками-кромешниками, несущимися на добрых конях со своим ужасным «Гой-да!», всё ещё вселял ужас во многих.¹

Московские тоже заметили юную княжну; смекнули, видимо, кто перед ними, – закивали, стали перешёптываться. Настасья смутилась, хотела было уж зайти обратно в дом, но тут дверь соседнего терема распахнулась и из неё вышел отец, да не один. Перехватив взгляд отцова спутника, Настасья смутилась, но взора не отвела. Чужак сразу же впился в Настасью цепким и колючим взглядом. «Даже шелома с головы не снял, – подумала Настасья. – Опасается, что ль, кого?»

Был московский боярин высок и широк в плечах – настоящий великан; немолод уже, но лицом пригож, хотя и угрюм сверх меры. Одет он был гораздо богаче своих подручных: на голове шлем с медной насечкой и бармицей, на плечах плащ бархатный зелёного цвета. Грудь великана покрывал стальной доспех с притороченными снизу и на руках кольчужными сетками, на руках коричневые перчатки из козлиной кожи. Сабля у боярина турецкая, ножны марокканской кожей обтянуты, а за пояс пара дорогих пистолей воткнута. Ручки у тех пистолей перламутром и белой костью украше-

¹ Опричников также называли «кромешниками» (от слова «опричь» в значении «кромес»). «Гой-да!» – боевой клич и приветствие опричников.

ны. Батюшка, помнится, сказывал, что лет десять назад, когда вся Россия голодала, на пару таких вот пистолей целую деревню было выменять можно. Да уж, богато московские нынче живут, ни дать ни взять!

Князь Тихон Фёдорович, завидев стоявшую на крыльце покоевых хором дочь, забеспокоился. Брови домиком сдвинул, насупился и незаметно погрозил дочери пальцем. Потом, пожав плечами, что-то сказал московскому гостю, и оба напрямик двинулись в сторону немного оробевшей Настасьи.

Отец Настасьи – князь Тихон Фёдорович – был росту высокого, круглолиц и тучен, но нраву кроткого – незлоблив. Оттого, видимо, и беден. Лицом князь тоже не больно-то уж уродился: нос, как катыш хлебный, глазки узкие, точно у поросё, а губы, как две оладушки.

На счастье, а может (всяко бывает), и впрямь на свою беду, Настасья лицом вышла в мать: личико, как яблочко наливное, глазки-угольки, а ротик крохотный, точно вишенка. Ростом же Настасья пошла в отца. Все девки сенные, да почитай половина холопьев – те, что мужского полу, – на неё снизу вверх глядят. Высока молодая княжна, да не дылда; не тоща, да и не толста. Всем удалась девка, ни дать ни взять. Знала Настасья, что хороша собой, да вот гадала: дóбро это аль нет.

Всегда думала, что дóбро, а тут...

– Ну, вот и она – дочь моя Настасья Тихоновна, – прибли-

жившись к крыльцу, сказал князь. – Ожидали мы вас, Никита Игнатьич, лишь к обеду, потому и не одета подобающе голу-бица наша. – Князь снова украдкой погрозил дочери. – Велеть сейчас же ей пристойное надеть?

– Не требуется, – пробасил царёв посланник.

– Ну, коль так, тогда гляньте да полюбуйтесь! Чего ска-жешь, Никита Игнатьич: хороша аль нет?

Здоровяк осмотрел Настасью с головы до пят. Настасья высока, но боярин всё равно на неё сверху смотрит.

– А ну, девица, поворотись, – говорит.

Настасья бросила недобрый взгляд на отца – тот насупил-ся, поспешно закивал. Девушка повернулась вполоборота.

– Теперь спиной, – продолжал московский боярин. На-стасья нехотя выполнила и эту просьбу, гость одобрительно крикнул. – Статная девка, и лицом хороша, вот только худо-вата малость. Государь справных девок любит – таких, чтобы в теле. Ну да ничего, и такая сгодится.

– Вот и пусть себе толстух ищет! – оживилась Настасья. – А с меня-то какой спрос?

– Вот и славно, вот и славно, – зачем-то дважды пролепетал князь Тихон Фёдорович и поспешно перекрестился.

– Макарка! – окликнул гость одного из своих. К крыльцу подбежал самый молодой.

Высокий, крепкий, в поясе тонок. Про этого, видать, Глашка сказывала, что пригож, – не врала. Глаза зелёные, огнём горят; волбсыя светлые и золотистые, точно льняная

кудель. Сердце забилося чаще, Настасья мысленно отругала себя за нахлынувшую слабость, пригляделась: на царёва боярина чем-то похож – уж не сынок ли? Теперь Настасья похвалила себя за наблюдательность – догадка-то её тут же подтвердилась.

– Чего, бать? – гулко прокричал светловолосый. – Поесть, помыться-то успеем? Всю ночь, почитай, скакали.

– Васильке скажи, чтобы Беса моего оглядел: что-то поступь у него нынче неровна. Как бы чего не случилось, и ещё: пусть распорядится, чтобы его в отдельное стойло поставили, ну и... Да он и сам всё знает, что да как...

– Да полно тебе, Никита Игнатьич! – возмутился князь. – Да я ж распорядился уже обо всём... – Поймав хмурый взгляд московского гостя, князь Тихон Фёдорович умолк на полуслове.

Боярин втянул ноздрями воздух, но тут же выдохнул, лукаво улыбнулся князю и пояснил:

– Мой Бес, окромя меня, к себе только Васильку – конюшего моего – и подпускает. Вон наш Федька уж на что с конями обращаться мастак, а тоже подходить к Бесу не решается. – Плетнёв тут же снова стал грозным и продолжил давать указания Макарке: – Тимошке скажи, чтобы помывочную да мои покои поглядел. Догадываюсь, какие у них тут холопы расторопные.

– Ой, обижаешь, Никита Игнатьич! – взмолился князь.

– Клопов-то хоть нет?

– Откуда ж им быть, батюшка?

Макарка тут же предложил:

– Может, я сам, бать? Ну... проверю всё. Я ж тоже знаю, что да как быть должно. Знаю, что на жёстком спать любишь, да чтобы киселя клюквенного не забыли приготовить, а в баньке, чтобы помимо дубовых, можжевельный веничек сыскался.

– Делай, как я сказал. Ты ж боярский сын! Пусть Тимошка хлопочет, а ты гляди у меня, девок князевых лапать не смей!

– Да полно, бать! – хохотнул Макарка и игриво подмигнул Настасье. Щёки у той ту же сделались пунцовыми. Боярин-гость тут же отвесил парню увесистого леща.

– За что? – со смехом завопил Макарка.

– Объясню опосля, ступай.

Макарка крутнулся на каблуках, ещё раз хитро глянул на Настасью и посеменил к товарищам.

– А ты, Тихон, людей моих определишь на постой и готовь дочку в дорогу. Завтра поутру на Москву отправляемся.

Когда пропели петухи, в Настасьину светёлку вошли Глашка, Дунька и тётка Лукерья. Одели Настасью во всё новое: длинную белую рубаху с золотым шитьём, поверх неё – ещё более длинный парчовый сарафан; поверх сарафана – летник с собольей оторочкой, богато расшитый золотом; в косу вплели шёлковые ленты, монисто коралловое на шею нацепили; на голову водрузили высокий соболий столбунец.

Припрятанный у Лукерьи запасец всё же был потрачен. Однако обошлись без Глашки, отчего та злилась и всячески морщилась, стараясь показать, что ей не особо нравятся купленные накануне наряды.

С непривычки Настасья чувствовала себя неудобно. «А коль и впрямь царицей сделаюсь – что ж, это всю жизнь такое носить?» Когда юная княжна вышла на крыльцо, её уже ожидали.

Все четверо московских стояли поодаль оружные, переминались с ноги на ногу. Макарка что-то шептал мордотому, оба посмеивались. Чернявый с длинными усами и кучей бородёнкой что-то нашёптывал на ухо своему коню, трепал рукой густую длинную гриву. Четвёртый стоял отдельно и не отводил взгляда от своего боярина.

Князь Тихон с московским боярином подошли к Настасье – та упала перед отцом на колени, расплакалась. Князь Тихон перекрестил дочь, поднял её и обнял и тоже прослезился.

– Жаль, мамка тебя не видит, – процедил князь. – Такая красавица выросла, вся в неё, в покойницу! Ну, с богом, доченька!

Княгиня Васили́на, мать Настасьи, представилась ещё три года тому назад, подхватив какую-то непонятную хворь. Вспомнив мать, Настасья тоже всхлипнула.

– Пора, – сухо сказал боярин.

У самых ворот стоял крытый возок с широкими, обитыми

железом гнутыми полозьями и толстым дубовым дышлом. В повозку была впряжена пара понурых приземистых лошадок. Окна возка, обитые медвежьим мехом по краям, были крохотные, отчего солнечный свет в повозку почти не проникал. Настасья забралась внутрь, вслед за молодой княжной в повозку втиснулась тучная тётка Лукерья. Третьей забралась вездесущая Глашка. Князь Тихон Фёдорович поперво́й и не думал Глашку с Настасьей в Москву отправлять, но настырная девка так на него насила!

Куда ж Настасье Тихоновне без Глашки-то? Что подать, принести, волосья расчесать... Знал ведь князь, что на самом-то деле Настасье от Глашки пользы не особо много будет, просто девке беспутной уж больно охота на Москву поглазеть, знал, но всё равно дал себя уговорить.

Когда один из княжьих холопов забрался на облучок на место кучера, а ещё двое, с короткими копьями и топориками за поясками, верхом на малорослых кониках пристроились за повозкой, боярин махнул рукой:

– Василька!

Тут же один из его людей – тот, что мордатый, – опроремью бросился к конюшне. Вскоре он вывел во двор огромного роста жеребца с косматой гривой и пышным хвостом, свисавшим едва ли не до земли, с широкой грудью и мохнатыми, похожими на сваи ногами. Конь был не только огромен, но и сказочно красив: мускулистая длинная шея, выгнутая дугой; заострённые уши; ноздри, раздутые, как кузнечные

меха; короткая и блестящая шерсть цвета воронова крыла блистала шелковистым глянцем. Боярин подошёл, взял в руки повод и сунул в рот коню какую-то сладость. Жеребец приветливо заржал и пару раз ударил копытом. На лице царёва боярина промелькнула улыбка. Он сунул ногу в стремя и взобрался в седло с поразительной для его габаритов лёгкостью.

– С богом!

Царёвы посланцы все разом вскочили в сёдла, и повозка тронулась.

Вьюга

Едут уж второй день – и кони, и люди подустали. Вьюжит, а снег всё валит и валит. Если не поспешить, дорогу вскоре заметёт, и отыскать верный путь будет не так-то просто. Стёпка – княжий холоп, что был посажен управлять повозкой, – нахлёстывает коней. Те бегут споро, снег под полозьями хрустит, точно капуста на зубах.

Вот вдаль за сопками показался утыканный мохнатыми

ёлками лесок. Теперь-то не заплутают! Кучер потянул вожжу и направил повозку напрямиком к лесу. Конные скачут по бокам, не обгоняют, но и не отстают, хотя и идут по глубокому снегу. Впереди двое: чернявый татарин и боярский сынок Макарка. Татарин сидит в седле глубоко, словно влитой, а вот Макарка вытянулся весь – красуется.

Настасье всё интересно, но она московских не расспрашивает, сидит в повозке и носа не высовывает. Зато Глашка вечно в окно высунется, уж поди все глаза им измозолила.

На первом же постое, когда остановились посередине небольшого лесочка, Глашка в ёлочки упорхнула – мол, до ветру. Макарка, то заметив, тоже по-тихому исчез, точно испарился. Вернулись оба порознь, оба молчаливые. У Макарки в глазах огонёк лукавый, Глашка же с надутыми губами. Знать, чем-то недовольна. Боярин Никита Игнатьевич всё то сразу заметил, крякнул с досады. Потом улыбнулся в бороду и ничего не сказал.

– Ну что? – Настасья дёрнула Глашку за рукав, когда они снова отправились в путь. – А ну давай сознавайся: приголубила ты Макарушку Никитича?

– Нет ешшо! – хмуро буркнула девка. – Да и зачем он мне? Я ведь ему так, на разок.

– Да ладно тебе... – удивилась Настасья, а Глашка тут же ехидно так процедила:

– Макарка ваш не больно-то и хотел со мной миловаться. Он всё больше про тебя, Настасья Тихоновна, расспра-

шивал...

Настасья улыбнулась:

– И чего ж ты ему про меня поведала? А ну сказывай!

– А ничего!.. Боярин же не велел Макарке на тебя глядеть – вот пусть и не глазеет. Так что ничего я ему и не рассказала... такого.

Настасья рассмеялась:

– Что-то мне в то не больно верится.

– А вот и напраслину говорите! – возмущённо выкрикнула Глашка. – Говорю же: ничего не рассказала, а вот от него самого много чего спознала. Токмо раз ты мне, матушка, верить не желаешь, так я тебе тоже не расскажу ничего. – Девка отвернулась.

Тётка Лукерья, слушавшая все эти пересуды, только покачала головой.

– Ой, молодухи вы молодухи, сладу на вас нет! Что девка сенная, что княжна – всё едино! В голове одни шашни да непристойности. Княжну аж к самому царю везём, а они всё о молодцах да о делах сердечных гутарят! Ужель и я такой была... по молодости?

– А какой ты была? – Настасья потянула Лукерью за рукав. – Расскажи.

– Не скажу, больно много знать хотите! – Лукерья насупилась.

Они помолчали, потом Глашка поднялась, отошла в сторонку и поманила Настасью рукой. Та посмотрела на Лу-

керью. Тётка сидела в задумчивости. Настасья подошла к Глашке.

– Не хочет она говорить! – прошептала девка. – А оно и не надобно. Я сама и так всё про неё знаю.

– Что знаешь?

– Тебе Лукерья наша про Дуняшку сказывала?

– Про то, как к ней купец сватался, а она за него не пошла да со скоморохом сбежала? Ну было!

– Так вот, Лукерья наша недалеко от Дуняшки ушла. Такой же в молодости грех сотворила, а теперь мается.

– Грех? Какой ещё грех?

– В молодости наша Лукерья, по слухам, справной девкой была – в теле, одним словом, ну и на лицо ничего так, нравилась парням. Трижды к ней сватов засылали, а она ни в какую. Этот для неё стар, тот уж ветреный больно, тот скуп, тот некрасив, а кого полюбила, так он её сватать не захотел. Обрюхатил на сеновале и сбёг.

– Как Дуняшкин скоморох? – переспросила Настасья. – Во дела!

– А я что? Всех поучает наша Лукерьюшка, а сама... – Глашка воровато посмотрела на сидевшую в задумчивости тётку. – Рбдила она опосля того. Теперь-то всем сказывает, что мужик её на войне погиб, а на самом деле всё не так было.

Настасья, глядя на опечаленную Лукерью, уж пожалела о том, что завела этот разговор. Знала ведь она Прошку – Лу-

керьиноного сынка. Юродивый, как и Мишаня, да только прочить не может. Жил Прошка при княжьем дворе, в доме жил, пока чуть хату не спалил. После того князь Тихон его в хлев переселил. Там Прошка с тех пор и обитал. Жаль его, но кому охота в погорельцы попасть? Правда, сам Прошка не особо от всего того страдал – пас свиней, рыбку из пруда любил тягать да на дудке играл. К сладостям уж очень прирастился, дашь ему леденец – вот он и счастлив. Посасывает жжёный сахарок, хихикает, благодарит да крестится.

Глашка снова заговорила:

– Так что и Лукерья наша баба бедовая. Только делает вид, что так строга и неприступна. Думаешь, отчего она с нами в Москву-то напросилась?

– Отчего?

– Да оттого, что устала она со своим сыночком-дурачком возиться! Небось, тоже в столице надеется к какому-нибудь богатею прибиться да жизнь свою убогую изменить. Чего бы она там ни говорила, а мы, бабы, всё об одном лишь мечтаем: как бы кого окрутить да очаровать.

Вон оно как! Настасья задумалась, отошла в сторонку. Глашка пыталась сказать что-то ещё, но молодая княжна её уже не слушала. Забившись в угол повозки, она ещё какое-то время лежала молча, а чуть позже впервые за последние дни крепко уснула.

Снова дорога. Настасья в очередной раз смотрит в окош-

ко и снова видит сквозь бурлящий снежный круговорот снующие туда-сюда фигуры конных людей. Глашка забилась в уголок, кутается в овчинный тулупчик и шмыгает носом. Тётка Лукерья тоже сидит сиднем, обмотав вокруг себя одеяло, всё ещё задумчива.

Едут дальше – по-прежнему выюжит. Тётка Лукерья крестится, бормочет: «Ой ли, не заплутать бы посреди этого поля! Тут и замёрзнуть недолго – ни защиты от ветра, ни дров». А вот Настасьин страх куда-то ушёл – новые события помогли позабыть на время прежние страхи. Теперь уж она знает про всех своих сопровождающих почти всё. Проснувшись, она всё же Глашку порасспросила. Та сперва поломалась, а потом всё и выложила.

Фамильное имя боярина Никиты – Плетнёв. Он у государя не на самом хорошем счету, потому как супротив царской воли пошёл. Царь ему велел, а он отказал. Самому царю отказал, а тот стерпел. Мало кому спускалось такое, а этому с рук сошло. Скачет вон в седле – жив, здоровёхонек. Правда, после этого царь Иван боярина строптивного от себя удалить велел. Вот он теперь и мотается, мелкие поручения выполняет. Ну и Макарка всегда при нём. Постигает воинскую науку от отца и мудрость житейскую. «Хотя какой же Никита-боярин мудрец, – рассуждает Глашка, – коль супротив самого государя пошёл?»

Татарина зовут Фархад, но все его называют Федькой, а по отчеству – Рифкатыч. Сутулого да мордатого – он ещё

давеча коня боярского из конюшен выводил – кличут Василька Бурак. Этот из града Полоцка, потому и Бурак. Само-го старшего – того, который весь седой и на матёрого волчáру похож, – зовут Тимофей Кручинин, но все его именуют по-разному. Боярин Никита – Тимошкой, Макарка – Емельянычем, а Василька с Федькой за глаза Кривым кличут – из-за сабельного шрама через всё лицо. Тимофей Кручинин после Никиты Игнатъевича над всеми голова. Сам при Плетнёвых сызмальства. Ещё при отце боярина Никиты у них в услужении числился, а теперь вот при сыне его – Никите Игнатъевиче – ключником. Его все слушают. Хмурый, молчаливый, а если скажет что, то словно кипятком обольёт – отпрыгнуть хочется.

Ай да Глашка – и впрямь за такое короткое время столько разузнать успела! Похоже, Макарку и впрямь не особо прельстили прелести беспутной девки. Что же – видать, и впрямь они в кустах больше говорили, нежели чем ещё занимались. А вот если Макарка на неё, Настасью, запал, так-то плохо. Не для него княжна расцвела, не мил Настасье боярский сынок, но Глашке про то знать не надобно. Пусть позлится, а то уж больно много о себе возомнила девка.

– Тпр...ру! – кричит Стёпка, натягивая вожжу.

Повозка встаёт. Похоже, накаркала беду тётка Лукерья! Настасья украдкой выглядывает в окошко, видит сплошную белую стену. Среди снежной пелены замечает боярина. Тот весь в снегу. Шлем свой он уж давно снял, поменял его

на бобровую шапку. То и не мудрено – холодно. Настасья, глядя на своих спутников, кутается в шубки да одеяла. В повозке хоть ветру нет, а всё равно зуб на зуб не попадает.

– Вот тебе и погодка, ни зги не видать! Поди ж найди теперь её – ту дорогу! – Кучер соскочил с облучка и заглянул в окошко. – Как ты, Настасья Тихоновна, не застыли ли? Коль не сберегу тебя, красавицу-умницу, так батюшка твой мне того не простит! Как ты, моя хорошая?

– Жива-жива я. Ты не бойся, Степан. – Настасья величает холопа по имени. – Не пропадём. С нами же вон какая сила едет! Эти московские – люди бывалые, найдут, небось, дорогу или постой. Что-то наших не видно. Куда Егорка с Лукьяном запропастились?

Обоих сопровождающих Настасью холопов не видать. Не отстали ли?

– Да здесь они. Вон, в сторонке, в канавку съехали, где ветра поменьше, – успокаивает княжну Стёпка. – Ничего с ними не станется – они людишки привычные к холоду и вообще. Спасибо батюшке твоему за то, что он нам всем троим тулупчики новые справил в дорогу-то! Да шапки вот собачьи добрые дал. Не холодно, а вот коняшки мои подустали, еле-еле тянут. Так-то, нужён, нужён нам всем отдых и постой. Даже у боярина конь уж на что хорош, а тоже хрипит уж больно гулко.

Настасья снова глядит в окошко, различает в овражке своих холопов. К ним подъезжает Никита Игнатьевич, что-то

говорит, те качают головами. Боярин, видимо с досады, машет рукой, что-то кричит своим. Все московские съезжаются к нему.

– Пойду-ка я послушаю, чего задумали, – выкрикивает Стёпка и бежит к конным.

Настасья видит, как Макарка и Василька Бурак пришпоривают коней и исчезают в снежной пелене. Стёпка возвращается.

– У наших кони валяются с ног. Боярин двоих своих искать дорогу послал, нам же всем ждать велел, пока дозорные не вернутся.

– Раз стоять будем, чего ж тебе мёрзнуть? – говорит Настасья. – Влезай в повозку – хоть погреешься малость.

– Куды ж он влезет? Тут места-то – кошку посади, и той тесно будет! – ворчит недовольная Глашка.

Стёпка вытирает рукавицей нос, Настасья видит, как в глазу мужика вдруг появляется слезинка. Тот крестится и бормочет:

– Не по чину мне к тебе, княжна, в повозку-то лезть. Говорю же: тулупчик да шапка у меня справные, так что я уж тут как-нибудь.

Когда стемнело, прискакал один лишь Василька. Конь его в пене, на огромный бегущий сугроб похож. Уже приближаясь, издали Василька прокричал:

– *Бяда́, бая́рын! Макарку насякли!*

Сам без шапки, в разорванном кафтане, без рукавиц, в волосах кровь запеклась. Настасья, увидав дозорного, аж вскрикнула. Глаз затёк, рожа красная, весь в снегу. Вьюга всё кружит и кружит. Видно от себя шагов на пять, и ветрище завывает.

– Как посекли? – взволнованно прокричал Плетнёв.

Василька соскочил с коня, упал на колени. Снега ему едва ли не по пояс.

– *Ой бяда, боярын! Ой не збярoг я Макар Никищыча!*

– Что с сыном, кто посёк?

– осадив коня, прокричал Василька. – *Людзи ляхіе, – Дoлга блудзілі мы, глядзім аганёчык. Пае́хали на няго́, ба́чым лясо́к, а у нызі́не ля о́гнишча двое. Пакры́чалі мы ім, нам такса́ма кры́кнулі у отвэ́т, а як падъе́хали, з усіх бако́у на нас наляце́лі.*

– Со всех боков налетели? Люди лихие? Разбойники?

– *А я чаго́ ка́жу? Вядо́ма разбойники!*

Боярин соскочил с коня, ухватил Васильку за грудки:

– Много ль их было?

– *Чалаве́к дзе́сяць. Все, хто с дубьём, хто з топором, хто з рога́тиной. Адзі́н майго́ каня́ за узду уха́пшу, а дру́гий киси́цям на галаве́ мяне́ уда́рыу. Шпака удар змякчы́ла, зляце́ла...*

– Да бес с ней, с твоей шапкой! – перекрикивая вой ветра, орал Плетнёв. – С сыном что, говори! Что ж его... насмерть?

– *Пабойся бо́га, Микита Игнатыч. Гэ́тыя і́роды бо*

не зразумели на каго нарвались. Макар Никицыч дваіх з каня посёк, перш чым конь яго наваліўся. Рogaціной яго, прама у бок и адразу до смерці...

– До смерти, говоришь? Насмерть... кого, Макарку?

– Да неа... каня ёного! Каня рogaціной тыкнули. Конь яго памёр, а сам ён няма.

Боярин оттолкнул Васильку и отступил на шаг, перекрестился.

– Живой! Ну, слава те...

– Так сын твой пешы яшчэ аднаго саблей дастаў.

– Пеший? Ещё одного саблей достал?

– Василька вытер ладошкой посиневшие губы. – Саблей, саблей! Ёного насмерть, а удвух параниу. Тут яму вилами ў бок и тыкнули. – Я таксама аднаго саблей ударыу, перш чым тыя, хто выйсыу, на кустах разбегліся.

Никита Плетнёв:

– Ты тоже одного зарубил. Молодец! А остальные, значит, в кусты сиганули?

– Як зайцы.

– Дальше что было, рассказывай.

– Як тые злыдни разбегліся, я да сынку тваму значыць кіннуся, а з няго крoвiушка так и хльiцэт. Перавязаў я яго, хацеў на свайго каня пасаддзіць, ды да вас вертацца, а ён стогне ды стогне.

Боярин и сам застонал:

– Стонет и стонет!.. Ой, мать честная, почто ж я его туда

послал?

– продолжал Василька Бурак, – *Едь, ка́жа, да ба́цюшки, – да прывядзі́ яго́ да мяне́, а я тут заста́нуся, поспяша́й. Я яму, ды як же, а ён узлава́ўся . «Казано табе́ ехаць, так едь!» Я на каня́, гаво́рить, не узле́зу. Я яму: «А кали гэ́тыя, што на кустах скочы́ли, вярну́цца?»*, А ён мяне́ пальцам на паго́рак ты́кае. *«Вунь, – кажа, – там і́хни ляжы́ць, паране́ный. Вяжы́ яго́ и цягни́ да мя́не. Коли яны́ вярну́цца, я гэ́таму супаста́ту но́жык да горла, глядзі́и не кра́нцуць .^{2 3 4}*

Плетнёв снова перекрестился.

– Далеко до того лесочка ехать?

– *Дык вёрсты тры будзе, не бо́льшэ.*

Боярин покликнул Кручинина и Федьку-татарина, сказал:

– Я с Василькой и Федькой до Макарки, и ты, Тимошка, веди остальных по нашему следу. Поторопись, чтобы тот след не замело. Коль отстанешь, мы вас потом отыщем.

– Понял, боярин, сделаю, – ответил Тимофей.

– Этих, – боярин указал на княжьих холопов Лукьяна и Егорку, – не потеряй. Ой, беда: выделил князь мне помощничков – от них мороки больше, чем толку!

– Скачи, Никита Игнатьич, выручай сыночка! – Кручинин стянул с себя шапку и сунул её в руки Васильке. – Возьми,

² Разозлился.

³ На холмик указывает.

⁴ Вон, – говорит, – там один из них лежит, раненый. Вяжи и тащи его ко мне. Если они вернуться, я этому супостату ножик к горлу – глядишь, не тронут.

а то закоченел совсем.

– оживился Василька, натягивая шапку. – *Задрог. Зараз, зуусім задрог,* – *А як же ж ты, Емельяныч?*

– ответил Тимофей, подражая Василькиному говорку, – *Не бо́йся, сябрук,* – *я сабе́ чаго́-небудзь знайду́, ня зме́рзну*.⁵

Василька, сдерживая улыбку, махнул рукой, вскочил в седло, и трое всадников вскоре растворились в непроглядном снежном тумане.

Нависшие над поляной кроны косматых елей переливались оранжевыми бликами. Снегопад прекратился, ветер поутих, но снежинки, словно назойливая мошкара, всё ещё кружили и кружили в туманном морозном воздухе. Тучи рассеялись, обнажив луну и звёзды, где-то вдалеке ухала сова.

Люди, уставшие и поникшие духом, сидели кружком. Они протягивали к огню закоченевшие руки, разговаривали тихо. В потемневшем от копоти котелке булькало ароматное варево – Тимоха Кручинин готовил из бараньей ноги густой наваристый кулеш. Нарубленные наспех Лукьяном и Егором промёрзшие поленца обильно чадили, от костра поднимался густой черноватый дымок. Поодаль в низине похрапывали кони. Там же, припорошенные снегом, лежали убитые разбойники.

⁵ Не бойся, дружище. Я себе чего-нибудь подыщу, не замёрзну.

Настасья нет-нет, да и поглядывала на окоченевших мертвецов. Глашка же, сидевшая рядом на постеленной на пень перине, не отводила от убитых в бою разбойников взгляда, то и дело дёргала за рукав Лукерью, что-то ей шептала.

– Да уймись же, окаянная! Что ж ты, убиенных не видала? – наконец не выдержала та.

– Чё эт? Видала, конечно! Помнишь, как царёвы люди к нам с погромами нагрянули? Скольких тогда мужиков посекли! Их тогда в одну телегу свалили и на кладбище свезли. Потом ещё Отеньку-охотника видала – его из лесу окровавленного привезли. Медведь его подрал, а он потом оттого и помер. Я много чего видела, но то издали, а так, чтобы вблизи...

– Вот радость-то – на покойников глазеть! – возмутилась Лукерья.

– Пусть не радость, но интересно же. Убиенных-то я видала, а вот разбойников ни разу. – И Глашка, осмелев, спросила Плетнёва: – Можно погляжу?

Боярин усмехнулся:

– Гляди, чего уж! От них не убудет.

Глашка тут же направилась к мертвецам.

– Этот старикашка, а тот – так совсем мальчонка! – крикнула она. – Куды ж полез? С кем связался?

– Нашла о ком горевать! – рыкнул Кручинин. – Он бы уж нас, пожалуй, не пожалел. Ножичком по горлу и в овраг, воронью на пир. Макарка молодец! Я порой и сам дивлюсь

тому, как он с саблей управляется. Рубится, точно бешеный. Кто под руку ему в сече попадёт, тому уж не спастись.

Настасья слушала разговор вполуха, потом тоже не удержалась и подошла к мертвецам. Первый и впрямь был уродливым и морщинистым стариком; ему сабля рассекла грудь от плеча, едва ли не до пояса; у второго была разрублена голова. Тут к убитым подошёл татарин Федька и цыкнул на Глашку:

– а ну отойди! *Айкы́л, хаты́н*

Он сорвал с мёртвого старика шапку, распахнул тулупчик и потянул пальцем гайтан, разглядывая надетый на мертвеца крестик.

– Не трожь! – процедил Кручинин.

– дешёвый оберег, медяшка... не нужен такой. – Федька поморщился, потом повернулся к молодому, потянул его за рукав и довольно крикнул. – А вот это сгодится. *Бакы́р сакчасы́*

– ? – оживился сидевший в сторонке Василька Бурак. *Чяго́ там*

В левом ухе убитого паренька красовалась крупная золотая серьга в виде кольца.

– чистый золото. *Алтын балдак*⁶

– . *Ух ты! Як жа я я́го адразу́ не убáчыу, дай паглядзе́ць*

– Раз не разглядел, вот и не лезь, – грубо ответил Федька, после чего вырвал из уха молодого разбойника золотую

⁶ Золотое кольцо (татарск.).

серьгу, обтёр о снег и сунул в висевший на поясе кожаный мешочек.

Глашка взвизгнула и отскочила. Василька возмутился:

– *. Гэтага чорта Макарка засе́к. Яго́ гэ́та здабы́ча*⁷

– Себе оставь. Моему сыну мертвецов обирать не пристало, – сурово пробасил Плетнёв.

– *. Ну, кали́ так, то няха́й бярэ́. Не прапада́ць жа дабру́*⁸

⁷ Этого чёрта Макарка зарубил. Его это добыча (белорус.).

⁸ Ну, если так, то пускай берёт. Не пропадать же добру (белорус.).

Чернявый

Крепко связанный по рукам и ногам, он сидел скрючившись на сваленном у сосен лапнике и внимательно смотрел на собравшихся у костра людей. Волосы разбойника были растрёпаны, на щеке виднелся огромный кровоподтёк.

На вид ему было не больше тридцати; волосы и брови густые, чернящие; борода короткая, ровная; тёмно-зелёные, как ночной лес, глаза горят задорным огоньком. «Посмотришь в такие – точно в болото затягивает», – думала Настасья, украдкой поглядывая на пленённого разбойника. На том были надеты толстый перепачканный кровью армяк с надорванным воротом, широкие суконные штаны и кожаные

сапоги – не особо новые, но крепкие на вид. Шапку свою разбойник обронил, когда в запале боя получил по голове. Василька говорил, что, когда Макарка шарахнул чернявого по темени рукоятью сабли, тот рухнул как подкошенный и не подавал признаков жизни в течение всей схватки.

Однако же теперь, несмотря на окровавленную одежду и отёки на лице, чернявый разбойник выглядел бодрым. Сам же Макарка был настолько бледен, что больше походил на мертвеца. Он лежал у костра на расстеленной пуховой перине, накрытый подушками, зубы его стучали, бедолагу потряхивало. Однако, несмотря на всё это, сын московского боярина то и дело поднимал голову и, улыбаясь, смотрел на Настасью.

Глашка принялась теребить Настасью за рукав и тыкать пальцем в сторону пленника:

– Жуткий он. Чёрт, чистый чёрт! Взгляд как у волка: как зыркнет, так аж до костей пробирает! Но собой хорош и на разбойника совсем не похож.

– И тот у неё хорош, и этот! Гляньте-ка на неё: и на разбойника не похож! Много ль ты их видывала – разбойников? – пробубнила Лукерья.

Глашка отмахнулась и продолжала глазеть на чернявого мужика с раскрытым ртом.

– Ой... глянь-глянь! Видели, как он на меня посмотрел? Аж в груди ёкнуло и жар по всему телу!

– Да не глядел же он на тебя! – возмутилась Настасья.

– У тебя, Глафира, от любого взгляда мужицкого в груди ёкает! – усмехнулась Лукерья.

Откуда-то сверху послышалось негромкое карканье. Никто из сидевших у костра даже не подал виду, что услышал его, одна лишь Настасья устремила свой взор вверх.

Присмотревшись, она различила среди ветвей корявой сосны, под которой оставили пленённого разбойника, огромную птицу. Ворон сидел съёжившись и изредка вертел головой. Когда он в очередной раз, вытянув шею, на этот раз уже громко прокаркал, Глашка фыркнула:

– Бесовское отродье, ишь раскаркался!

– Ещё один... Такой же злодей! – проворчала Лукерья.

– Такой же, как кто? – не поняла Настасья.

Лукерья усмехнулась:

– Такой же, как тот, что под сосёнкой лежит! Тот разбойник, и этот разбойник. И тот, и этот лишь беду добрым людям несут.

– Чего ж так? – спросила Настасья и снова поглядела на пленника.

– Оба они – что птица эта, что нехристь наш – людям зло приносят. Не к добру мы их встретили.

Настасье на ум тут же пришло недавнее пророчество Мишани: «Вёрона вижу о чёрное перо...». Так вроде вещал убогий.

Заметив, что все три женщины шепчутся, глядя на него, чернявый скорчил рожу, оскалился, показав белые крепкие

зубы, после чего беззвучно рассмеялся. Настасья поджала губы и отвернулась. Вот дурень – он ещё и глумится! Ужель не понимает, что теперь его ждёт?

Когда Тимофей доварил кулеш, Лукерья стала раскладывать его по плошкам.

– Этого кормить ли?

– Положи пару черпаков, чего уж там! – ответил Кручинин.

– Макарка мой вон голодный сидит, а ты этого злодея кормить собрался?! – насупился Плетнёв.

– Да полно тебе, Никита Игнатьич, пусть ест, припасов у нас пока что хватает.

– А коль еды вдоволь, отчего ж Макару Никитичу не поесть? – тут же влезла в разговор Глашка.

Тимофей принялся терпеливо объяснять:

– Ранен он в живот, оттого ему пока что ни есть, ни пить нельзя, чтобы, если кишки задеты, пища и вода из них в брюхе не задерживались.

– Фу ты, гадость какая! – поморщилась Глашка.

Плетнёв же, вопросительно посмотрев на боярина, уточнил:

– Так что, не будем его кормить?

– Раненому пища вредна, а мёртвому и вовсе не надобна. Чего тянуть? Федька, веди его в лесок да кончай с ним поскорее.

Настасья вздрогнула:

– Как же так-то? Зачем же так скоро?

– А чего тянуть? Здесь, в глуши, мы сами суд и устроим. Тут нам никто не указ. Давай, братец, поспешай, только далеко не уходи, а то мало ли, вдруг его дружки поблизости притаились? Ещё отобьют.

– Сходить с тобой? – спросил у Федьки Кручинин.

– Сам управлюсь, не впервой. – Федька ухватил мужика за ворот и потащил в лес. – ! – давай пошевеливайся! Секир башка делать буду! *Айдэ́ Айдэ́ тизрэ́к*

– Стойте! Зачем же его рубить? – взмолилась Настасья. – Мы ж заплутали тут, а он наверняка дорогу знает! Его же поначалу расспросить надобно!

– Расспросить так расспросить. – Никита Игнатьевич подошёл к пленному, присел и, ухватив за ворот, притянул к себе. – Ну, хочешь ещё пожить, ирод?

– Кто ж не хочет? – отвечал пленник, не выказывая испуга.

– А коль хочешь, так сказывай: где здесь ближайший постоя?

– Не думаешь, боярин, что он нас к своим приведёт? – спросил Кручинин.

– Не приведёт, ежели не дурак, – усмехнулся Плетнёв. – Макарка с Василькой этих лиходеев вдвоём разогнали, а уж ежели мы впятером будем...

– Где ж впятером? Макар Никитич боле не воин, а разбойников в лесу может сколь угодно оказаться.

– Полно, Тимоха! Пристало ли нам от всякого сброда прятаться?

– Решать тебе, боярин, не было бы худа.

В этот момент пленный заговорил:

– Правильно девица ваша говорит: тут вокруг вёрст на соток ни хуторка, ни деревеньки, а у вас раненый.

Плетнёв нахмурился:

– Врёшь, собака!

– Не вру, боярин, хотя... – Чернявый мельком глянул на Настасью. – Есть тут одна за́ймка – вёрст семь до неё, может, чуть более. Живёт там один бирюк с жёнкой, прямо за этим леском возле речки их двор. Домик старенький, но большой. Сам я на том дворе не бывал, но мимо не раз хаживал. Хозяин тамошний уж не дюже приветлив.

– Ну, нам-то он, я думаю, не откажет! – Плетнёв усмехнулся, сжал кулаки и мрачно оглядел присутствующих. – Говори, куда идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.